

Я не верю в коллективный разум невежественных индивидуумов.

Томас Карлейль

Переоценка прошлого необходима не для одной совести. Переоценка истории есть единственная возможность пути.

Петр Чаадаев

Автор предлагает расценивать эту книгу как концептуальную базу для действий тех своих сограждан, которые обладают правом законодательной инициативы, по организации кампании за полную юридическую и историческую реабилитацию выдающегося сына России Лаврентия Павловича Берии, а также за достойное увековечение его памяти в общенациональном масштабе.

От автора

Уважаемый читатель!

В последнее десятилетие имя Берии по частоте его упоминания среди других исторических фигур советской эпохи стоит, пожалуй, на третьем месте после Ленина и Сталина.

Случайно ли это?

Думаю, нет. Причем среди написанного о Берии имеются и серьезные работы, как, например, «Неизвестный Берия» безвременно ушедшего Алексея Топтыгина, и пасквили типа «Красного заката» бывшего партократа Валерия Болдина.

Стали широко известными «Убийство Сталина и Берия» Юрия Мухина и «Последний рыцарь Сталина» Елены Прудниковой. Немало страниц посвящено Лаврентию Павловичу в местах спорной, но яркой книге Александра Бушкова «Сталин: ледяной трон».

Однако тема далеко не исчерпана. И поэтому я — после некоторых сомнений — решил сделать и свою книгу о Берии. Началось все, впрочем, с предложения написать журнальную статью о его вкладе в решение советской Урановой проблемы.

Давно догадываясь, что имя Лаврентия Павловича во многом обограно, я с удовольствием взялся за работу и вскоре был удивлен тем обликом Берии, который вырисовывался при внимательном изучении объективных документов Атомного проекта СССР. Председатель Спецкомитета при Совете Министров

СССР выглядел не просто выдающимся организатором новой отрасли, но и...

Да, он выглядел к тому же и человеком высокой моральной кондиции, нормальным и даже душевным, чутким человеком!

Причем я имел дело с достоверными рассекреченными документами, издаваемыми в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17.02.95 №160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Восемь солидных томов этого «сборника» весят более десяти килограммов!

И вот из этих документов проглядывал человек, а не «монстр»!

Пришлось забраться в материалы по Берии и его эпохе (и, увы, в пасквили о нем и о ней) более глубоко. Я все более увлекался темой и, в конце концов оставив в сторону другие замыслы, принялся за тот труд, результаты которого представляю теперь на суд уважаемого читателя.

Завершая это краткое вступление, автор считает своим приятным долгом поблагодарить за содействие и плодотворные дискуссии многих своих коллег, в том числе: А.А. Агапова, В.А. Акулова, В.М. Ботева, Л.А. Кочанкова, А.Н. Кочубаева, П.П. Максименко, А.А. Мукашева, А.П. Осипцова, Н.А. Сороку, и отдельно — В.М. Воронова, с неизменной доброжелательностью помогавшего автору отыскивать некоторые материалы и постоянно обсуждавшего с автором его будущую книгу.

Автор искренне признателен А.И. Колпакиди как за предоставление ряда ценных материалов, так и за полезные обсуждения различных сторон проблемы в ходе работы.

Автор благодарен также коллективу библиотеки им. В.В. Маяковского в городе Сарове («Арзамас-16») за внимание к его нуждам и интересам.

Глава 1

РАССУЖДЕНИЯ О ПРЕДМЕРЕ КНИГИ, О ПЕРВОИСТОЧНИКАХ И КОЕ О ЧЕМ ЕЩЕ...

Казалось бы, предмет книги ясно обозначен на обложке — это судьба Лаврентия Павловича Берии. Однако на самом деле все не так уж и ясно. Поэтому, приступая к работе, я много размышлял над тем, как разобраться в его жизни так, чтобы дать по возможности ее *реконструкцию*, а не «версию». Сейчас в ходу серия книг с интригующим названием «Рассекреченные жизни». Лаврентий Берия не был секретным агентом — уже с молодых лет он

стал личностью, как говорится, «публичной». И тем не менее, если уж включать его жизнеописание в какую-то серию, то ей очень подошло бы название «Засекреченные жизни».

Причин тому — много.

Одна из них — та, что почти полвека о Берии или не говорили ничего, или лгали так, что никакое мало-мальски верное представление о нем составить было невозможно. Пожалуй, лишь еще одну фигуру мировой истории стремились изгнать из памяти общества так же настойчиво. Это — Герострат, в 356 году до нашей эры, в ночь рождения Александра Македонского, сжегший храм Артемиды в Эфесе.

Берия не разрушал, а создавал, но его тоже настойчиво изгнали из официальной истории. А уж если и создавали ему славу, то исключительно геростратову. Однако время действительно рано или поздно все расставляет на свои места, даже если кого-то на время вырезают из истории в прямом смысле слова — бритвенным лезвием, как было вырезано из нее имя Берии.

Да, в 1953 году подписчики Большой Советской Энциклопедии получили по почте пакет, внутри которого находилась четвертушка листа, где типографским образом сообщалось следующее:

**«ПОДПИСЧИКУ
БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ**

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» рекомендует изъять из 5 тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы.

*Государственное научное издательство
«Большая Советская Энциклопедия».*

Считается, что наиболее длинная фамилия в советской истории — «Примкнувшийкнимшепилов».

Этот когда-то знаменитый партийно-государственный деятель, главный редактор «Правды», кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, министр иностранных дел, улаживавший Суэцкий кризис 1956 года, выступил против Хрущева на том заседании Президиума ЦК в июне 1957 года, когда большинство Президиума (и прежде всего — Молотов, Каганович и Маленков) было готово отстранить Хрущева от руководства. Вскоре большинство этого большинства, а с ним — и «примкнувший к ним Шепилов», лишилось всех постов после быстро спроворенного Хрущевым Пленума ЦК.

Шепилов прожил долгую жизнь и умер в 1995 году девяноста лет от роду. На книгу о нем и на его воспоминания я буду

позже ссылаться, и тогда отношение к нему автора обрисует-ся яснее. Сейчас же я упомянул об этом обладателе — как счита-ли остряки той эпохи — «самой длинной фамилии в СССР» лишь для того, чтобы опровергнуть остряков и заявить, что «фамилия» с 22 буквами — не рекорд! Ибо в «фамилии» «Вклеенный между 22 и 23 страницами» 29 букв, и, выходит, абсолютным рекордсменом как по анонимности, так и по длине не-вольного «псевдонима» стал Берия.

Соответственно, его фамилию мы тщетно искали бы после 1953 года в любом советском справочнике. Даже в самых под-робных и детальных академических изданиях не упоминалось имя человека, которому в 5-м томе БСЭ было посвящено четыре (!) страницы и чей портрет занимал там полностью еще одну страницу. Берия напрочь выбросили из отечественной истории.

А из истории мировой?

В четвертом томе «Оксфордской иллюстрированной энцик-лопедии», изданной на русском языке издательством «Весь мир» в 2000 году, скудные сведения об этом, десятилетиями не сущест-вовавшем для СССР, человеке имеются, и эта энциклопедия от-водит советскому политику Lavrenti Pavlovich Beria поистине чу-довищную роль в проведении широкомасштабных «чисток» ста-линской эпохи.

Справедливости ради замечу, что русский «Оксфорд» скупю признает, что во время войны Берия занимался развитием обо-ронной промышленности. А далее, преврав хронологию (Лав-рентия Павловича арестовали не в июле, а 26 июня 1953 года), «Оксфорд» сообщает, что Берия после смерти Сталина проиграл-де коалиции Маленкова, Молотова и Хрущева, был арестован, осужден и расстрелян.

Итак, и для мировой истории ключевые слова в части Берии: «чудовище», «чистки», «лагеря», «ликвидация», «заговор», «рас-стрел», «смерть»...

А сквозь зубы — «развитие».

Доморощенные «аналитики» и «исследователи» «демократи-ческого» образца следуют примерно той же схеме. Мол, насаж-дая страх, «шеф НКВД» методом террора умел-де обеспечить ра-боту различных отраслей промышленности, неплохо руководил атомными работами, но — «все равно сволочь», как сказал мне один все еще «демократизированный» знакомый. И втолкуй ему, что на самом деле все было иначе. Нет, он все «знает» и так!

Для того чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищ-ной! Этим рецептом широко пользовался Геббельс, однако уже в Первую мировую войну пропаганда англосаксов облыжно обви-няла Германию в производстве жиров, извлекаемых из трупиков невинно убиенных французских младенцев.

А ЧТО ЖЕ совершил «изверг» Берия?

Вот некая цитата, которую я приведу без малейших купюр:

«...очерк, уже написанный, лежал на моем столе. Я поставил последнюю точку и размышлял и еще раз переживал все ужасы, связанные с именем человека, которого наверняка будут проклинать многие поколения. И если я писал в четырех первых очерках с болью в сердце и с состраданием к невинно расстрелянным маршалам, то пятый, о котором пойдет разговор, заслужил не только расстрела, но, если бы было возможно, его надо было бы еще повесить, посадить на электрический стул, отрубить ему голову гильотиной (вообще-то литературная норма — «на гильотине». — С.К.) — и всего этого было бы мало за его преступления».

Четыре «невинных» — это: 1) самоуверенный, с замашками Бонапарта, «гений» троцкистского толка Тухачевский; 2) маршал с весьма запутанной судьбой Егоров; 3) бездарный «маршал» Кулик и 4) деградировавший, потерявший сам себя Блюхер.

Пятый же маршал — Берия. А его ненавистник — писатель Владимир Карпов, в свое время ушедший из лагеря на фронт и там ставший полковым разведчиком, Героем Советского Союза.

Читаешь сие и думаешь — откуда у «инженера человеческих душ» такая звериная кровожадность? Да и не звериная — зверь не кровожаден, он всего лишь хочет есть.

Так откуда такая патологическая ненависть? От застарелой обиды? Но очень уж злопамятно... Нет, вряд ли все объясняется обидой. Здесь что-то другое... Возможно — инстинктивное неприятие человека яркого, выдающегося и — в отличие от хулителей — не корыстного, жившего — в отличие от хулителей — не личной выгодой, а высокими идеалами? Но ярких, нестандартных личностей в советской истории хватает и кроме Берии.

Так почему же до одури злобно — именно о Берии? Очаровательная Констанция Бонасье из «Трех мушкетеров» заявляла: «Кто говорит «Ришелье», тот говорит «Сатана». Сегодня «интеллектуалы», «интеллигенты», либералы и «демократы» широкого спектра заявляют то же самое в отношении Берии. И это — очень нечастый случай абсолютной, тотальной демонизации исторической личности не на страницах авантюрного исторического романа, а в реальной истории.

Сказать доброе слово о Берии — как бы оно ни было подкреплено фактами — непросто. Дальше мы увидим, что даже тот, кто приводит глубоко положительные для Лаврентия Павловича сведения из практики личного общения с ним, пугливо оговаривается: мол, Берия, конечно, «изверг» и «создатель ГУЛАГа», но вот, мол, *лично со мной* вел себя по-человечески, в лагерную пыль не стирал и даже матом не ругался. А так, какие могут быть сомнения — «палач»!

Однако был ли мальчик? В смысле — демон?

Русская история богата на оболганные по тем или иным причинам выдающиеся государственные фигуры, начиная с Ивана Грозного... Стало отрицательно нарицательным имя, скажем, Аракчеева... Хотя объективные документы доказывают обратное, начиная, например, с того, что реформатор русской артиллерии эпохи Отечественной войны 1812 года не имел отношения к экспедициям «военных поселений», с которыми его имя прочно связывают.

А в наше время такой мрачной «знаковой» фигурой стал Лаврентий Павлович Берия.

«Внутренний хроникер» ЦК КПСС Николай Зенькович в одной из своих книг бухнул прямо, что, мол, вопрос не в том, был ли Сталин убит, а в том, как это было сделано. Признание ценное, но примерно то же самое можно сказать, имея в виду Берию. Вопрос не в том, был ли он гнусно оболган, а в том, почему он был оболган так гнусно и тотально.

Этот вопрос приходит на ум каждому, кто приступает к исследованию проблемы непредвзято.

Им задавался Юрий Мухин.

Им задавалась Елена Прудникова.

Задался им и я. И ответ мой близок к ответам других объективных исследователей феномена Берии: его вначале оклеветали, а затем вообще вырезали из истории страны потому, что преступником был не он, а его хулители и уничтожители.

Государственный потенциал Берии по сравнению со всеми этими хрущевыми и маленковыми был настолько велик, что концы преступления надо было прятать в грязь.

Вот их туда и спрятали.

И разобраться теперь с тем, где — грешное, а где — праведное, сложно. Причем первичных сведений о Берии в научном обороте немного, что и понятно: попробуй доберись до них, скрытых в глухо закрытых архивах! Да и есть ли в этих, семидесяти- и более летней давности, архивах все факты? И сколько в этих архивах «фактов» в кавычках?

Уничтожать архивы начал уже Хрущев, при Горбачеве эта линия успешно продолжилась, «обогатившись» еще и практикой изготовления стратегических фальшивок.

А уж при Ельцине...

Для «России» Путина процесс уничтожения и фальсификации исторических архивных документов нехарактерен, но лишь потому, что предшественниками Путина в этом направлении уже была проделана громадная работа. Ложь о Великой Октябрьской революции, о «белых и пушистых» белогвардейцах, о Ленине и Сталине, о Великой Отечественной войне и «семидесятилетнем» «совковом» рабстве уплотнена уже до предела.

«Пружина» фальсификации истории Отечества сжата так, что «витки» ее почти сомкнулись. И постепенно начинается обратный процесс.

ОДНАКО не каждому положительному свидетельству о Берии можно верить, особенно если оно исходит, например, от сына Берии — Серго, написавшего нашумевшую книгу «Мой отец Лаврентий Берия». В этой книге немало откровенных выдумок. Скажем, Серго явно не был — как он утверждает — на испытании нашего атомного первенца РДС-1 в 1949 году. Очень уж неточен он во многих деталях. Фантастичны его утверждения о том, что гостем особняка отца и собеседником Серго был в конце 1939 года Роберт Оппенгеймер. И уж совсем ни в какие ворота не лезет рассказ Серго о встрече отца в его присутствии с командиром германской подводной лодки, прибывшей на советскую военно-морскую базу за неделю до начала войны, чтобы командир лодки мог известить Берию о приказе через неделю топить советские суда.

Но когда Серго пишет о том, что отец его был скромен в быту, поверить в это можно, как и в то, что его отец любил активный отдых (глядя на любительские фото Берии на отдыхе, в этом убедиться легко).

Так же явно достоверны сообщения Серго Лаврентьевича о том, что отец не препятствовал желанию юного сына ездить на машине, но лишь после того, как сын сам (пусть и при помощи опытных механиков) соберет из старья «фордик» для катания.

И стопки иностранных журналов сыну для перевода Берия-старший, как я понимаю, действительно приносил, причуя Серго под видом помощи отцу к труду и к освоению языков.

Это вроде бы — мелочи... Но это мелочи показательные, говорящие о сути и характере личности многое.

И даже — очень многое.

И так же можно поверить тому же Серго, что профсоюзных деятелей Берия открыто называл бездельниками, потому что на уровне высших профсоюзных лидеров (Берия имел дело, конечно, с ними) так ведь оно чаще всего и было. А Берия, будучи человеком дела, болтунов и бездельников жаловал не больше, чем Сталин.

Вполне можно верить и тем историкам и мемуаристам, которые к Берии *нелояльны*, но из материалов которых объективно вытекают выводы, для Лаврентия Павловича положительные (как, например, в случае мемуаров конструктора систем ПРО Кисунько). Уж эту-то информацию можно считать достоверной!

Очень легко было сбиться и на такой подход: «Сам Молотов вспоминал...», или: «В мемуарах «легендарного» Судоплатова...»,

и т.д. Но как часто такая информация объективно стоит немного. Где-то подводит память, где-то — увы, совесть... Не исключаются и позднейшие дописывания. А уж как часто, повторю еще раз, мы имеем дело с прямой, геббельсовского образца, ложью!

Внучка выдающегося русского невропатолога, психиатра и психолога, морфолога и физиолога нервной системы Владимира Михайловича Бехтерева, академик Бехтерева, в конце 80-х годов заявила, что ее, мол, дед после медицинского осмотра Сталина назвал его параноиком, за что и был-де отравлен.

Ах, сколько же было вокруг этого заявления «демократических» обличений. Но вот в 1995 году, в №32 еженедельника «Аргументы и факты» внучка-академик признается: «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было... На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что так и было...»

Вдумайся, уважаемый читатель, в это признание!

И ведь даже после него ходила Наталья Бехтерева по земле недрогнувшими ногами — вместо того чтобы публично, под взорами телекамер, на коленках проползти за Мавзолеем Ленина и на коленках же публично покаяться перед могилой Сталина.

Увы, даже самый раскаявшийся негодяй не сможет сделать этого перед могилой Лаврентия Берии. Ее просто нет.

Но есть документы — хотя ко многим из них надо подходить критически. Есть мемуары, исторические труды и прочее... Не пользоваться теми же, скажем, книгами Феликса Чуева о его беседах с Молотовым и Кагановичем нельзя — это источник, так сказать, нормативный. Однако нестыковки и «ляпов» там хватает, начиная с чисто фактических и заканчивая логическими.

И я старался или проверить все перекрестно, или исходить из принципа: тому, что человек рассказывает о его непосредственных, личных контактах с Берией, верить, скорее всего, можно — после анализа как фактической, так и психологической стороны дела. А если кто-то что-то пересказывает (как, например, генерал НКВД Судоплатов — рассказы секретарей Берии, услышанные им от них уже в тюрьме во время совместной «отсидки»), то верить этому, скорее всего, не стоит. Очень уж это скользкая вещь для исторического исследователя — «испорченные телефоны» мемуаров. Так что на многие «свидетельства» лучше не полагаться.

И дело не в соблазне отбросить неудобную для тебя информацию, а в огромных масштабах хрущевско-горбачевско-ельцинского очернения и эпохи Сталина, и ее ведущих положительных фигур, включая Берию.

Но достоверные документы о Берии все же имеются, прежде всего — та их совокупность, которая содержится в упомянутых

выше рассекреченных «атомных» архивах. Эти бесспорные документы — хорошая путеводная нить для объективного исследователя.

Причем их достоверность гарантируется не только высоким статусом публикации, но и профессиональными и личными качествами двух ведущих фигур этой работы, проводимой в главном ядерном оружейном центре России в «Арзамасе-16» — РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Я имею в виду старейшего физика-оружейника Германа Арсеньевича Гончарова, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, и полковника Павла Петровича Максименко, бывшего многолетнего руководителя представительства МО СССР во ВНИИЭФ.

Как-то в разговоре я сообщил Павлу Петровичу Максименко о том, что, приступив к освоению материала, был ошарашен тем, как резко и положительно стала меняться для меня фигура Берии.

И услышал в ответ:

— Когда я несколько лет назад начал работать с архивными документами, то был по отношению к Берии, конечно же, предубежден. Но по мере работы мое впечатление от него изменилось на прямо противоположное.

— Как о человеке? — уточнил я.

— Да, в том числе и как о человеке...

ЕСТЬ и еще одна нить — простая логика нашей современной жизни. Общественная атмосфера сегодня несправедлива и лжива. Значит, если ее творцы говорят о чем-то или о ком-то плохо, то в действительности все обстоит, скорее всего, наоборот.

Если о Берии говорят, что он был интриганом, то логично предположить, что на деле он был весьма благороден.

Если утверждают, что он был карьеристом, то логично предположить, что в действительности он не искал высоких постов, а они сами находили его, этих постов достойного.

Если утверждают, что он был сластолюбив, то не будет очень уж неверным думать, что он был скорее аскетом и, уж во всяком случае, достаточно сдержанным в личных потребностях человеком.

А оно ведь, уважаемый читатель, так, в общем-то, и было. И я постараюсь это доказать!

Работая над книгой, мне пришлось разгрести немало грязи, скопившейся на уже пожелтевших газетных и журнальных страницах «перестроечной» поры, на страницах «монографий» и «мемуаров». Однако в ходе работы меня ожидали и приятные неожиданности, когда я находил вполне положительные для Берии сведения даже там, где, казалось бы, никак не мог их обнаружить.

И по мере написания книги я все лучше начинал понимать —

почему из Берии сделали монстра. Надеюсь, по мере прочтения книги это понимание будет приходиться и к читателю.

А пока что я приглашаю его перенестись вместе с автором на более чем полвека назад, в мартовскую Москву, прощающуюся со Сталиным.

Глава 2

ПЕРЕДВИЖКИ НА ТРИБУНЕ МАВЗОЛЕЯ

10 марта 1953 года они стояли на трибуне Мавзолея...

Лаврентий Берия, Николай Булганин, Климентий Ворошилов, Лазарь Каганович, Георгий Маленков, Анастас Микоян, Вячеслав Молотов, Вячеслав Малышев, Михаил Первухин, Максим Сабуров, Никита Хрушев...

Страна хоронила Сталина. Плакали люди, в пути останавливались поезда, гудели заводские гудки, гремели прощальные артиллерийские салюты.

И теперь Державу олицетворяли они, стоящие сейчас на трибуне Мавзолея Ленина, отныне становящегося Мавзолеем Ленина — Сталина.

И они же теперь Державу возглавляли.

Коллективно.

Но и среди равных кто-то становится первым.

Председателем комиссии по организации похорон был Хрушев.

Членами — член Президиума ЦК Л.М. Каганович, Председатель Верховного Совета СССР Н.М. Шверник, военный министр маршал А.М. Василевский, секретарь ЦК Н.М. Пегов, командующий Московским военным округом генерал-полковник П.А. Артемьев, председатель Мосгорисполкома М.А. Яснов.

На лидерство никто из членов комиссии не претендовал и близко, даром что формально первым лицом государства был Шверник. Но он и при Сталине был формально первым.

Другое дело — Георгий Маленков. Он не входил в комиссию, но, тем не менее, не только претендовал на первую роль, но и во многом ее обрел, став вместо Сталина Председателем Совета Министров СССР.

Однако заседания Президиума ЦК КПСС вел Хрушев. И это тоже что-то да значило.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, до смерти Сталина возглавлявший также Специальный Комитет при Совмине по атомным и ракетным делам, после смерти Сталина стал уже первым заместителем Председателя Совета

Министров и был назначен министром внутренних дел — с объединением вновь МГБ и МВД в единое МВД.

Но этим его круг обязанностей и интересов не ограничивался. Он был активен всесторонне. И это ему, надо сказать, было не внове — он работал «многостаночником» всю свою жизнь.

И везде — результативно!

Да, самым всесторонне компетентным, энергичным и подходящим на роль не только формального, но и неформального лидера страны был он — Лаврентий Берия.

Пока не утруждая себя пространными доказательствами сказанного, я приведу данные со страницы 407 сборника документов Международного фонда «Демократия» (Фонд ныне покойного Александра Н. Яковлева) «Лаврентий Берия.1953».

Ни в этом Фонде, ни в выступивших соиздателями сборника Гуверовском институте войны, революции и мира и Стэнфордском университете коммуниста Берию на щит никто поднимать не собирался. Но справочные данные, приведенные о Берии в упомянутом выше сборнике и касающиеся его деятельности в период лишь с 1941 по 1945 год, когда Лаврентий Павлович был членом Государственного Комитета Обороны, впечатляют.

ГКО — высший чрезвычайный орган, который во время войны руководил страной, был образован 30 июня 1941 года в составе: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков.

С февраля 1942 года в ГКО вошли также Л.М. Каганович, А.И. Микоян, позднее — Н.А. Вознесенский.

И вот что сообщает сборник А.Н. Яковлева:

«Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 года о распределении обязанностей между его членами Берии был поручен контроль за выполнением решений по производству самолетов и моторов, вопросами формирования ВВС, кроме того, в дальнейшем на Берию был возложен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, минометов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой трех наркоматов: нефтяной, угольной промышленности и путей сообщения».

Кроме этого, по решению ГКО от 13 марта 1942 года «ввиду трудного положения на железных дорогах и необходимости выхода из такого положения» была создана оперативная группа под руководством Кагановича, Берии и Маленкова, «на которую возлагалась вся ответственность за все перевозки по железным дорогам».

А еще Берия в июле 1941 года и позже много сил вложил в создание Резервного фронта, «в состав которого входило значительное количество войсковых соединений НКВД СССР».

В 1942 году Сталин посылал Берию представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Северный Кавказ.

А с 21 августа 1943 года он входил в высшую руководящую группу Комитета при Совете Народных Комиссаров СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации.

И ни одна из этих обязанностей не была формальной, парадной. В СССР Сталина синекур не раздавали.

В 1944 году Сталин назначил Берия заместителем Председателя ГКО вместо Молотова и председателем Оперативного бюро ГКО, «рассматривавшего все текущие вопросы».

Плюс все это время Берия был народным комиссаром внутренних дел СССР. Во время Тегеранской 1943 года, Крымской (Ялтинской) и Потсдамской 1945 года конференций «на него возлагалось обеспечение охраны советской делегации, а на Крымской конференции — и других делегаций».

Зная все это, можно с уверенностью сказать, что во время войны более Берии в стране был загружен и перегружен высшей ответственностью лишь один человек — сам Сталин.

Да и после войны — тоже! Ведь Берии поручали самые сложные и новые задачи — Урановую проблему, контроль над разработкой систем противовоздушной обороны (с расчетом на будущую уже противоракетную оборону).

А кроме этого, с заместителя Председателя Совнаркома (Совмина) СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Берии не снимались обязанности по курированию ряда мирных отраслей экономики.

Такой «воз» мог тянуть лишь высокопрофессиональный, разносторонний управленец с большим опытом и хорошей общей и специальной эрудицией и мгновенной деловой реакцией.

И обязательно — умеющий подобрать кадры и умело же их потом использовать.

Берия всеми этими качествами обладал и объективно был на голову выше всех остальных, стоявших мартовским днем на трибуне Мавзолея. И, безусловно, он это понимал.

Понимали это и его соседи по трибуне.

Но готовы ли были они принять лидерство Берии? Они стояли под мартовским небом и не знали — как там все сейчас повернется...

Или знали?

Пожалуй — кто-то знал.

И этим кем-то уж точно был Хрущев.

ГОД назад в центре трибуны стоял Сталин.

Он приветливо махал рукой малышке, машущей ему снизу, с плеч отца, проходящего мимо Мавзолея в первомайской колонне.

Теперь Сталина не было. И поэтому на трибуне Мавзолея были неизбежны те или иные передвижки. Да они уже и происходили. Но все же будущее стоявших на трибуне в марте 1953 го-

да было еще смутным. И они не могли не задумываться — каким же оно будет?

Сегодня мы знаем ответ на этот вопрос. Еще 1 мая 1953 года состав высшего руководства, занимавшего праздничную трибуну, от мартовского не отличался.

Но уже 7 ноября того же года на трибуне не было Берии.

26 июня он был арестован.

На июльском (2—7 июля 1953 г.) Пленуме ЦК КПСС его исключили из партии «за предательские действия, направленные на подрыв Советского государства», и постановили предать суду «как врага партии и советского народа».

8 августа 1953 года пятая сессия Верховного Совета СССР утвердила Указ Президиума Верховного Совета СССР о «лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета СССР, снятии его с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград и о передаче дела о преступных действиях Л.П. Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР».

Прошло четыре года, наступил 1957 год, и с трибуны ушли руководители «антипартийной группы» Молотов, Каганович, Маленков, ушли и поддерживавшие их Первухин и Сабуров.

Открестившись от неисправимых «сталинистов», не удержались, тем не менее, на трибуне Булганин и Ворошилов. А через семь лет с нее бесславно ушел и сам Никита Хрущев.

Дольше всех на ней оставался Микоян — до марта 1966 года.

Одни уходили с трибуны Мавзолея, другие на нее приходили. Менялась номенклатурная конъюнктура, менялись политические симпатии тех, кто занимал центр трибуны. Рабочему Луганску, названному в 1935 году Ворошиловградом, в 1958 году вернули старое имя, чтобы в 1970 году вновь переименовать его в Ворошиловград, с течением лет ставший опять Луганском. Нечто подобное происходило с древним Рыбинском, переименовывавшимся четырежды: Рыбинск — в Щербаков, Щербаков — в Рыбинск, Рыбинск — в Андропов и, наконец, опять в Рыбинск.

Но имя ушедшего с трибуны образца марта 1953 года Лаврентия Берии никто никогда в жизнь страны не возвращал.

Только с началом «перестройки» оно обрело громкую известность, однако лишь для того, чтобы стать в глазах «прогрессивных» и «политически продвинутых» слоев общества «омерзительным олицетворением кровавой тирании и тотального тоталитаризма».

А ЧТО, если бы Лаврентий Берия не только не ушел с главной трибуны Державы, но и прочно занял бы ее центр? И занял бы ее на долгие годы. Он ведь был неплохим спортсменом-лю-

бителем, не курил, не увлекался ни спиртным, ни, вопреки сплетням, женщинами... Так что мог бы жить долго.

Скажем, лет до семидесяти семи.

То есть мог бы скончаться в том самом 1976 году, когда будущему четырежды Герою Советского Союза Леониду Брежневу по случаю его семидесятилетия подарили вторую Геройскую звезду в комплекте со звездой Маршала Советского Союза.

Но Берия был арестован, изолирован и расстрелян. Относительно того, как и когда это произошло, есть несколько версий, но я не буду сейчас на них останавливаться, а познакомлю читателя с одним из тех писем, которые Берия написал уже после ареста.

Вообще-то писем к своим бывшим товарищам по руководству он написал три. И авторство их оспаривается, например, — Ю. Мухиным, Е. Прудниковой, а также — косвенно, Серго Берией, утверждавшим, что его отца расстреляли-де при аресте в особняке, где жил с семьей и Серго. Но я не сомневаюсь в том, что «письма из бункера» подлинны! Почему я в этом уверен, скажу в свое время, а сейчас просто возьму в руки яковлевско-гуверовско-стэнфордский сборник документов 1953 года по Берии и открою его на странице 74, где начинается второе письмо Лаврентия Павловича в ЦК КПСС, Маленкову.

Глава 3

ПИСЬМО ИЗ КАМЕРЫ

Датированное 1 июля 1953 года, это письмо занимает в книге пять с половиной листов типографского формата 70x100¹/₁₈. Поэтому приводить его полностью я не буду, однако нашего серьезного внимания оно заслуживает. С одной стороны, письмо стало своего рода подведением итогов всей политической и государственной работы Берии, а с другой стороны, оказалось чем-то вроде его политического завещания.

В тексте хватает ошибок, порой «хромает» стиль, но одним лишь публикаторам известно, где ошибки принадлежат Берии, а где — тем, кто рукопись переводил в типографский текст. Одну ведь и ту же букву можно прочесть по-разному. К тому же автор письма, несомненно, волновался, что на стиле письма не могло не сказаться — Берия был все же не литератором.

Те или иные части письма я буду сразу же комментировать, причем с таким расчетом, чтобы эти комментарии постепенно знакомили читателя с некоторыми обстоятельствами той давней и не очень-то по сей день известной нам эпохи.

Начинается письмо так:

«Товарищу МАЛЕНКОВУ

Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, к[а]к на работе, так и в отношении лично тебя и — некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждая себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддерж[ать] делами новое руководство Ц.К. и Правительства...»

Здесь не видно стремления разжалобить и оправдаться. Условия написания письма для его автора были не то что некомфортными, а попросту дикими. Однако не заметно, чтобы он был психологически смят. Но и до спокойствия здесь далеко, и Берия анализирует — в чем же он провинился перед товарищами так, что его вдруг арестовывают.

А вот дальше идет нечто интересное:

«В соответствии с имеющимися указаниями Ц.К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. ряд заслуживающих политических предложений, к[а]к то: ...»

Ну-ну, что же это такое заслуживающее советовали новому министру внутренних дел новый предсовмина Маленков и секретарь ЦК Хрущев?

А вот что:

«...как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т. называемому менгрельско[му] национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривленной линии партии, допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н.С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием...»

Из этих строк следует, что инициатива, например, «реабилитаций» по «делу врачей» исходила, вопреки устоявшемуся мнению, не от Берии, а от Хрущева и Маленкова. Ведь не стал бы

Берия выдумывать несуществующие инициативы коллег в письме к этим самим коллегам!

Правда, часть инициатив принадлежала на самом деле непосредственно новому министру внутренних дел, но это были как раз те инициативы, которые после расстрела Берии были полностью или частично свернуты как «ошибочные». И, скажем, о национальной политике в видении самого Берии у нас еще будет повод поговорить.

А вот на «деле врачей» я остановлюсь сразу, напомнив, что началось оно в 1952 году с письма Лидии Федосеевны Тимашук в ЦК, написанного и переданного в МГБ еще в 1948 году.

В 1952 ГОДУ Лидии Тимашук было пятьдесят четыре года, и она с 1926 года, после окончания медицинского института, работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, а с 1948 года заведовала кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы. Уйдя на пенсию в 1964 году с должности заведующей отделением, Тимашук скончалась в 1983 году, восьмидесяти пяти лет от роду. «Демократы» презрительно пишут о ней нередко как о «медсестре Тимашук», но это, как видим, ложь.

В 1948 же году, снимая кардиограмму Андрею Андреевичу Жданову, она, опытный практический врач, поставила диагноз «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но кремлевские профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко и П.И. Егоров, лечащий врач Г.И. Майоров и врач-диагност С.Е. Карпай заявили, что ничего серьезного не произошло.

Жданова, впрочем, и до этого «лечили» так, что «лечение» само по себе было преступлением. Если не государственным, то уж врачебным — точно! Так, Майоров передоверил уход за больным медсестре, а сам часами ловил рыбу — дело происходило на Валдае в санатории «Долгие броды».

Не привлекательнее выглядел и главный терапевт Кремлевки профессор Виноградов. Слово «терапия» вообще-то происходит от греческого «therapeia» — «забота, уход». Но этот ренегат гиппократовой клятвы вместо организации повседневной заботы о здоровье руководства страны сосредоточился на другом. Он «одновременно заведовал кафедрой в 1-м Московском медицинском институте, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей». Я пользуюсь здесь сведениями из книги Г.Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году на средства Еврейского Конгресса.

Такие вот любители зашибать доходы где только можно и определяли облик Лечебно-санитарного управления Кремля! Сам Костырченко пишет:

«В знаменитой «Кремлевке», как и повсюду (н-да. — С.К.), наличествовала созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства, витал мертвый дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки».

«Созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства» — это на совести (если она у него есть) Костырченко... На таком, скажем, сверхрежимном «объекте», как атомное КБ-11 в Сарове, ничего подобного не было — там царила атмосфера деловой сосредоточенности, хотя разгильдяйство, конечно, не поощрялось.

А вот насчет «круговой поруки» — это уже интересно! В словаре Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» в статье 702 «Круговая порука» приведена уместная здесь цитата из «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина:

«Какимъ образомъ создалась эта *круговая* порука снисходительности — я объяснить не берусь, но что порука эта была нѣкогда очень крѣпка — это подтвердить каждый провинциаль».

Г. Костырченко — не провинциал, но вот же — тоже подтверждает, что порука профессорствующих прохиндеев в Кремлевке была крепка, и в итоге Тимашук заставили переписать заключение в соответствии с профессорским диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни».

Начальник Лечсанупра Кремля профессор Егоров 28 августа 1948 года записал в истории болезни: *«Рекомендовано... увеличить движение, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву»*.

Но Жданова увезли в Москву раньше, потому что 31 августа он умер.

Врачебная ошибка — вещь страшная, но возможная для любого врача... Однако в данном-то случае все было вполне прозрачным — инфаркт кардиограмма показывала уверенно! Да и как можно было барски пренебречь заключением опытного профессионала Тимашук, которая не занимала, как Виноградов и иже с ним, вереницы прибыльных должностей, зато всю жизнь занималась своим прямым делом — лечила людей?!

Тимашук обратилась с письмом к начальнику Главного управления охраны МГБ Власику. И 6 сентября 1948 года профессор Егоров собрал в своем кабинете совещание, где заклеил Лидию Федосеевну как невежественного врача и «чуждого, опасного» человека.

Для всей этой «теплой» компании Тимашук действительно

была опасна, как опасен для негодяев любой честный человек. И Егорова поддержали Виноградов, Майоров, патологоанатом Кремлевской больницы Федоров, профессор Василенко.

Виноградов тогда еще пользовался полным доверием Сталина (он «лечил» и его, и других членов Политбюро, сопровождал Сталина в 1943 году в Тегеран), и письмо Тимашук тогда удалось замаять. Виноградов заявил министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она».

Оставили, к сожалению, профессора, а Тимашук перевели в один из филиалов Кремлевки.

Но в Лечсанупре Кремля творились такие «художества» и «лечебные ошибки» приобретали (с учетом якобы высокой квалификации высшего персонала) такой странно массовый характер, что в 1952 году письмо Тимашук извлекли из архива, опубликовали в печати, а сама она 21 января 1953 года была награждена орденом Ленина.

К тому времени на Лубянке сидели профессора Виноградов, Егоров, Василенко, Вовси, Коган, Гринштейн, Фельдман, Темкин...

Когда 4 ноября 1952 года оперативники пришли за Виноградовым, «их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Профессор происходил из провинциальной семьи (а, вот откуда навык круговой поруки! — С.К.) мелкого... служащего, но еще до революции... успел стать довольно состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат. Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте».

Это я все, уважаемый читатель, книгу Костырченко цитировал (стр. 645), так что сведения точные, оплаченные Еврейским Конгрессом, и антисемитизмом здесь пахнуть не может. Но от себя замечу: жаль, что этого профессорствующего буржуя (по оценке Костырченко — «интеллигента старого закала») недорезали в 17-м...

Смотришь, и Жданов был бы жив!

Да и не один он!

Костырченко, к слову, утверждает, что «дело врачей» началось раньше того времени, когда был дан ход письму Тимашук. Но это всего лишь попытка подмены причин и следствия. Подлинной причиной «дела врачей» была их преступная, как минимум, халатность.

А может — и более чем халатность! Черт их знает, этих кремлевских «эскулапов»... Забегая вперед, напомину, что их всех потом «реабилитировали», под шумок забыв о том, что уж Виноградов-то был виновен в ряде вполне вульгарных, уголовно наказуемых деяний, тайно храня золото, драгоценности, валюту.

Да и задуматься бы не мешало — зачем профессору Виноградову все эти «камешки» и доллары? Не прятал ли он их до лучших времен, надеясь на такие перемены в СССР, которые стали возможными лишь после 1991 года? И не пытался ли он и впрямь такие перемены приблизить?

Но до таких ли «мелочей» было тогда в Кремле — после триумфа победителей «изверга» Берии, сидящего в подземном бункере штаба Московского военного округа!

ВЕРНЕМСЯ, однако, в этот бункер и на правах исследователей читаемся через спину Лаврентия Павловича в продолжение его письма в ЦК...

«...совершенно справедлива... критика... на Президиуме ЦК; с последним моим участием на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили [значение] самых решений Ц.К.... Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого неследует делать. Поведение мое на заседании Президиум[а]ЦК, и Президиума Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишнюю резкость я бы сказал, к[а]к это сейчас хорошо продумал и понял. иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев[а] Н.С. и Булганина Н.А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здесь] безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения...»

Здесь, пожалуй, надо кое-что пояснить... Сегодня нам крайне трудно представить себе, что это такое — партийная чистка. В воображении встает нечто карательное, но ведь когда мы говорим, что надо отдать костюм в химчистку, то не имеем в виду ничего плохого, а просто сообщаем о том, что хотелось бы иметь чистый, а точнее — *вычищенный*, костюм.

Так вот, партийные чистки имели своей целью не некое избивание и унижение членов партии, а, с одной стороны, очищение партии от «примазавшихся», а с другой — очищение и самоочищение вполне надежных членов партии.

Когда христианин идет на исповедь, он ведь идет не только за опущением грехов. Он идет и для того, чтобы очистить себя, признавшись кому-то вне себя — священнику, в тех или иных прегрешениях. Верующий признается в них тайно, и то стано-

вится чище. А большевики в ходе чисток занимались самокритикой публично, перед товарищами по партии, и это было — надо ясно отдавать себе в том отчет — действительно мощным средством самовоспитания и самосовершенствования.

Ведь еще Чехов рекомендовал выдавливать из себя раба каждый день — по капле. А в крепком партийном коллективе в ходе чисток люди не то что по капле дрянь из себя выжимали, а целыми ручьями!

Со временем этот образ поведения становился для старых партийцев автоматическим — если они попадали в ситуацию острой критики со стороны. Они не обижались — как это принято сейчас, на критикующих не озлоблялись, а начинали думать — в чем же я дал промашку? Если, конечно, они были большевиками, партийцами, а не «членами партии».

Но Берия-то и был партийцем! То есть человеком, который живет порученным ему делом, а не прикидывает — как бы из этого дела выжать побольше личной выгоды. И его письмо имело в какой-то мере смысл персональной чистки — благо ситуация тому способствовала. Он и дальше в письме время от времени не самобичеванием занимается и не унижается перед руководством ЦК, а искренне, как тогда говорилось, признает ошибки.

Искренне... Хотя современному человеку это может показаться малодушием и показным раскаянием.

Но это было не малодушие!

Что же до «германского» вопроса, а также упоминаемых далее вопросов «корейского», «турецкого», «иранского», «ответов Эйзенхауэру и Черчиллю», «поступка при приеме венгерских товарищей», то о некоторых из этих «вопросов» мы поговорим значительно позднее, а сейчас я лишь замечу, что внешнеполитические концепции Берии были интересны и реалистичны.

Продолжим чтение...

«Предложения о Надь Имре, должен был не я или, кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что конечно меня следует крепко взгреть».

Сказано энергично, и за этими словами вполне чувствуется характер — не всегда сдержанный, но весьма искренний.

Искренний, уважаемый читатель!

И такими же искренними видятся мне следующие строки...

«...Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовиться к заседаниям Ц.К. и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести Ц.К. и Правительство. У меня остался в Совмине, я

не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев (речь об идее учреждения новых орденов СССР. — С.К.)... В отношениях с товарищами с которым[и] я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялось, к[а]к это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять хотя бы руководящих работников в МВД. Т-щей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали к[а]к положено настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик...»

Повторяю: иногда авторство этого письма оспаривается — мол, не мог его Берия писать, он уже к тому времени был убит, а следовательно, письмо — фальсификат.

Я уверен в обратном! Внимательный анализ содержания и стиля письма убеждает в том, что его, как и другие «письма из бункера», писал именно Лаврентий Павлович. Очень уж плотно «набито» это письмо такими деталями и фактами, которые никакой, даже — номенклатурный, «писарь» знать не мог. Да и уровень мышления и чувствования, свойственный письмам, «писарь» иметь не способен.

Но даже без глубокого анализа одно положительное упоминание имен Серова и Стаханова показывает, что письмо писал Берия.

Николай Павлович Стаханов, генерал-чекист, возглавлял тогда Главное управление милиции МВД, потом был замминистра внутренних дел СССР, с 1955 по 1961 год — министром внутренних дел РСФСР. С чего бы это — в случае фальсификации письма — «примазывать» его к Берии?

Ну, а генерал армии (с 1955 года) Иван Серов, которому в 1953 году не исполнилось и пятидесяти, был вообще твердым «хрущевцем». И никакой «писарь»-фальсификатор не стал бы включать его и Стаханова в число тех, о ком «должен был» одобрительно отзываться Берия.

Да и то, что упомянутый в «обойме» Круглов сразу после ареста Берии был назначен министром внутренних дел, тоже косвенно свидетельствует о подлинности письма.

Нет, в начале июля 1953 года Лаврентий Павлович был жив. И это он, а не подставной «писарь», вспоминая всю свою прошлую жизнь и борьбу, писал Маленкову:

«...Все ценное в моей жизни связано [с] совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твоё участие в приемке и сдаче дел (при назначении Берии в 1938 году в НКВД СССР), укрепление кадрами МВД при твоей помощи, — большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Оборона, когда волей партии нам было поручено тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств — выпуск самолетов и моторов, а мне — вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта. Совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л.М. и Микояном А.И. для налаживания железнодорожного транспорта, который[й] играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад[ный] фронт — который[й] немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Госуд[арственного] К[омитета] Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградски[й] фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха...»

Нет, «писарь» так не напишет!

ПОХОЖЕ, став вспоминать прошлое, Берия даже забыл, где и в силу чего он это все пишет! И сразу после приведенного выше текста он увлеченно и подробно касается атомных проблем и систем ПВО «Беркут» и «Комета», а потом, вспомнив, что пишет не докладную записку, возвращается к теме, напоминает Маленкову о годах совместной работы:

«Я не говорю о всевозможных поручениях, — пишет он, — которые давались нам ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным в с[в]язи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли не каждый день встречались в стечении десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, к[а]к лучше организовать ту или иную работу и к[а]к лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше.... Поэтому, моя трагедия в том, что

как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетках и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас...

А дальше Лаврентий Павлович пишет: «Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей...» и обращается к остальным членам Президиума ЦК.

К Молотову:

«... Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина... Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова... После... мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленном организации Комитета Оборона Страны...

Я привел бы другие факты, но скажу одно, что не раз говорил, тот кто ссорит Молотова со Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной... Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея в виду Вас и Микояна».

Сталин имел основания разочаровываться в некоторых старых соратниках... Однако не это суть важно сейчас, а то, каким образом Берия отmetal обвинения в неких интригах! Ссылаться в письме Маленкову на свидетельство Маленкова можно было лишь тогда, когда говоришь правду.

И выходило, что правда, а не наветы, была такой, как писал о том Берия.

Была она и такой:

«Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все[й] стране т-щей Вас и Буденного командующими Обругать обругал, а, чуть позже, т-щ Сталин назначение провел...»

Обращаю внимание читателя на формулу «*по поручению руководящих органов Грузии*»... Не «*я ездил*», а «*я по поручению руководящих органов Грузии*...».

Если бы Берия имел низкую натуру, он, скорее всего, не преминал бы выпятить перед Ворошиловым личную роль в приглашении... Но Берия всегда был «человеком команды». И лишний раз подтвердил это в своем письме.

К ХРУЩЕВУ и Булганину он обратился коротко и «отписоч-но», сухо аттестовал обоих «прекрасными большевиками и товарищами».

Булганин был фигурой весьма серой, что же до Хрущева, то Лаврентий Павлович, похоже, уже понимал, who is он... Пяток строк, обращенных к Никите, интересны лишь сообщением о том, что Хрущев на Президиуме ЦК «крепко и гневно» ругал Берия.

Зато хотя тоже коротко, но выразительно и искренне автор письма обращался к Кагановичу и Микояну:

«...Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию, тогда еще меньшевистскую от имени Кавбюро РКП и Ревоенсовета, XI армии, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда по[мо]щи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог...»

Сколько инсинуаций можно прочесть о службе Берии в мусаватистской разведке. И я об этом скажу подробно... Но не достаточно ли этих вот, только что прочитанных читателем, строк, чтобы поставить на всех наветах крест? Напоминал ли бы в *такой* час Берия о 1920 годе, если бы он был нечист?

Вряд ли.

Последнее обращение было «персональным» наполовину. Лаврентий Павлович писал о Первухине и Сабурове, но — не обращаясь к ним... Однако писал он нечто настолько, на мой взгляд, интересное для понимания личности Берии, что эту часть письма я пока сообщать читателю не буду, вернувшись к ней в свое время и в своем месте.

А заканчивалось это удивительно емкое и многоплановое письмо так:

«...Все это может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>Глава 1.</i> Рассуждения о предмете книги, о первоисточниках и кое о чем еще...	6
<i>Глава 2.</i> Передвижки на трибуне Мавзолея	14
<i>Глава 3.</i> Письмо из камеры	18
<i>Глава 4.</i> Начало биографии	30
<i>Глава 5.</i> Революция и Гражданская война	34
<i>Глава 6.</i> Чекистское десятилетие.	55
<i>Глава 7.</i> Переписка Сталина и Кагановича	84
<i>Глава 8.</i> Партийный лидер Закавказья	91
<i>Глава 9.</i> «Органы», пленумы, заговоры, репрессии и выборы	118
<i>Глава 10.</i> Июнь 37-го: партия Сталина против партии партократов	157
<i>Глава 11.</i> Дела в стране, дела в Тбилиси...	182
<i>Глава 12.</i> Почему был заменен Ежов...	192
<i>Глава 13.</i> НКВД образца 1939—1941 годов	219
<i>Глава 14.</i> Бутерброды для Туполева и жена для резидента	267
<i>Глава 15.</i> Разведсводки для Сталина и автоматы для пограничников	287
<i>Глава 16.</i> Накануне...	311
<i>Глава 17.</i> Война: рейтинг по «гамбургскому счету»	336
<i>Глава 18.</i> Основатель атомной отрасли	422
<i>Глава 19.</i> Будни Спецкомитета и сплетни о них...	461
<i>Глава 20.</i> Берия + Куксенко = «Беркут»	490
<i>Глава 21.</i> Резолюции Берии и письма Капицы	506
<i>Глава 22.</i> Лаврентий для Лаврентьева.	532
<i>Глава 23.</i> Конец 40-х — начало 50-х... Страна на распутье	543
<i>Глава 24.</i> «Странная» смерть Сталина	586
<i>Глава 25.</i> Сто двенадцать дней...	593
<i>Глава 26.</i> Арест et cetera.	631
<i>Глава 27.</i> Пленум ЦК без члена Президиума ЦК и «следствие» без подследственного	657
<i>Глава 28.</i> Торжество двоедушия и трагедия сверхкомпетентности	689
<i>Глава 29.</i> Сага об «убийстве» Ханджяна.	701
<i>Глава 30.</i> Курсом XX съезда...	722
<i>Глава 31.</i> Курсом XX съезда... (продолжение)	744
<i>Глава 32.</i> Данайские хвалы Эми Найт и иже с ней...	750
<i>Глава 33.</i> «Он был рыцарем — и убит из-за угла...»	761
Послесловие	790